

Нет необходимости доказывать несправедливость этих утверждений. Приходится только удивляться: кому и для чего нужна эта неправда. Было бы гораздо лучше для обеих сторон — и для победителей и для побежденных — если бы просто было констатировано: инородные хотели поделить казачью землю, они за это воевали и, поддержанные в этой борьбе б-ками, войну выиграли. И ничего больше: казаки хорошо знают, что побежденный несет потери не только в проигранной битве, но и долго еще после нее. Но б-ки хотят доказать, что и казаки выиграли. Ненужное вымышление!

Второй период большевизского землеустройства носит у них название основного землеустройства. В этот период, по плану, должна была быть удовлетворена земля вся масса безземельного инородного населения оказавшегося на Кубани, что в действительности и было выполнено на 98%. Остальные 2% безземельных, что до конца 1924 г. земли не получили, должны были быть удовлетворены после основного землеустройства уже непосредственно за счет вновь сформировавшихся земельных обществ, т. е., опять таки за счет нового сокращения казачьих наделов, так как уже никаких излишков ни где не оказалось.

Характерной особенностью второго периода большевизского землеустройства было — стремление всех инородных получить и закрепить за собой землю, а также установить привилегированность своего положения в Казачьих Землях. Этот период — медовый месяц новых господ ирражжения, особенно тех ландскнехтов от революции, разных Иванов, непомыщих рода, что за конницей Буденного хлынули в Казачьи Земли и здесь своей жестокостью и бесмысленной расправой привели к восторгу и ужасу в самих инородных. Это период политики «раскалывания», применяемой в тех или иных местах советскими и находившей выражение в такой практике администрирования, которая приводила к изгнанию из официального лексикона слова казак, к запрещению ношения казаками: черески, мишкала, лампа и пр.¹³⁹

Во второй период большевизского землеустройства яснее стало и большевизствующим и «нейтральным» казакам (которые свой нейтралитет всегда оправдывали тем, что инородные на казаки или не посягают¹⁴⁰), что большевизское землеустройство было направлено прежде всего против Казачества. И поэтому в этот период так ярко сказался исторический социальный антагонизм, питавшийся соображениями об исторических правах Казачества: наши деды проливали кровь за землю, а тут понаехали из России и хотят воспользоваться нашей землей, «воевали за нашу землю, а теперь делают нашу — казачью».¹⁴¹

Не исторический антагонизм слышится в восклицаниях казачьих, которые большевизский автор воспроизвел правильно, но истолковал превратно. Это восклицания обманутых, которые к тому же видели невозможность и бесплезность сопротивления. И в конце 1924 г. на Кубани уже не было безземельных инородных не только среди тех, кто жил там до прихода б-ков, но и среди тех, кто появился на Кубани вслед за буденовской конницей.

¹³⁹ «Правда», № 166, 1925.
¹⁴⁰ Ibid., стр. 167.

И, несмотря на это, большевики не считали свое землеустройство законченным. В апреле 1925 года ЦК компартии снова отдает приказ о «быстром и полном проведении землеустройства» в казачьих округах. И с этого момента начинается третий период большевизского землеустройства, период, в котором развертывается в «широком объеме и быстрым темпом работа по окончательному устранению сословного неравенства между инородными и казаками».

Действительная же суть этого распоряжения была та, что под «устранением сословного неравенства» разумелось стремление к созданию, как выражались сами большевики «перевернутого» положения во взаимоотношениях казаков и инородных. Раньше, до революции «бесправны» были инородные. С приходом большевиков стали бесправны казаки. И вот к закреплению этого бесправия казаков, а не к действительному устранению «сословного неравенства» были направлены все мероприятия большевиков во второй и особенно в третий периоды их землеустройства. Подтверждает это и большевизский официоз «Правда» в номере от 23 июля 1925, когда говорит, что господами положены в области политических и хозяйственных отношений в «казачьих районах стали другие, не казачьи слои: «инородные» на Сев. Кавказе, крестьяне в Сибири, киргизы — в Киргизии».

Как воспользовались своим привилегированным положением новые господа положения, показывают земельные переделы, проводившиеся после апрельского большевизского распоряжения. В одной станице Холмской — пишет В. Черный — при переделе в 1927 году, вопреки вековым казачьим традициям собрание уполномоченных земского общества лишило прав на землю и тех казаков, какие имели хоть какое либо подсобное занятие. «Таким образом, было лишено прав до 200 холм.»¹⁴²

Большевики, как всегда, всему и во всем и в своем землеустройстве перегнули палку. Они так увлеклись устранением «сословного неравенства», что вскоре ударили и по тем, кто еще вчера горячо поддерживал все их мероприятия.

Скоро было замечено, что безземельных, прибывших в пределы Кубанского округа после 22 мая 1922 года, наделить «в условиях малоземелья и ожесточенной борьбы за землю, совершенно невозможно. Вопрос об их наделении есть острый вопрос, принимающий все большую остроту. Если раньше против переселенцев были только казаки, по вполне понятным причинам, а безземельные местные инородные крестьяне их поддерживали и были на их стороне, то теперь, после наделения землей местных инородных, против переселенцев стоит единый фронт казаков и инородных — бывших безземельных. Теперь и те и другие одинаково заинтересованы в земле, в сохранении существующих наделов и величины норм, и потому единодушно борются против угрозы их дальнейшего уменьшения».

Принимая во внимание это, для Казачьих Земель новое обстоятельство — общий фронт казаков и инородных против дальнейшего вселения переселенцев — попробуем в следующий раз сделать соответствующие выводы.

¹⁴² Ibid., стр. 163.

Шамба Баллинов.

О чем заботятся руководители Калмыцкой Автономной Области.

(Окончание).

Недоумение и горечь усиливается еще тем, что автор статьи, ныне принявший коммунистическую веру, не из молодых коммунистов, а пожилой человек, еще до революции игравший некоторую роль в калмыцкой общественной жизни.

Тот же автор, в начале своей статьи, категориче-

ски утверждает, что «между калмыцкой интеллигенцией и простым народом образовалась огромная пропасть (не читал ли он о «рве» Кусковой?). Это плохо (Еще бы?). Эту пропасть непременно нужно зарыть».

Это называется с большой головы на здоровую! В это утверждение нужно внести необходимую поправ-

ку: вместо: „калмыцкой интеллигенцией“, следует читать: „калмыцкими коммунистами“. А что между немногочисленными калмыцкими коммунистами и калмыцким народом существует „огромная пропасть“, является истиной для всякого калмыка, находящегося в здравом уме и твердой памяти. Тут „Америку“ открывать нет никакой надобности. Надо быть только душевно здоровым и элементарно честным. Так же ясно, что эту „огромную пропасть“ коммунистам некогда не закрыть, ибо это противоречило бы природе калмыков.

Этот автор, видимо, одержим страстью все „сжигать“. Одно время он носился с проектом сжигания девичьих камзолов. В конце концов он практически осуществил этот свой проект и действительно сжег много девичьих камзолов. И теперь не исключена возможность, что он начнет практически осуществлять свой проект (в его отрицательной части) и начнет сжигать так ему ненавистные калмыцкие кибитки, имея в виду в далекой перспективе построить „теплые дома“ и калмыцкие города.

Избави, Боже, калмыцкий народ от подобных родителей, — можно только сказать.

А этому пылкому автору проекта следовало бы помнить, что, кто во имя неверного блага совершает зло — тот величайший преступник.

Как выше сказано, газета извещует всевозможными донесениями. Литературой этого сорта заполнена почти целая страница. Приведем из нее некоторые „детали“, оставив „ягодки“. Некий „Бич“ сообщает, что в АНК-е Зюковского аймака Бага-Цохоровского отдела место секретаря занимает:

... „человек, имеющий в Енотаевске дом в 4-5 тысяч рублей, который приносит ему ежемесячно около 30 руб. дохода“.

„Бич“ рассматривает это как преступление и возмущается, почему до сих пор власть не убрала такого преступного элемента. Таких сообщений много. Владение маленьким домиком рассматривается как преступление. А как же с проектом Карвина о постройке домов и городов?

Некий М. Б. сообщает о приемах калмыцких „богачей“, к которым они прибегают для сокрытия от зоркого взора власти своего имущественного положения. Для этого „богачи“ семьи прибегают к фиктивному выделу детей. А для того чтобы, эта их проделка не дошла до властей, „богачи“ подкупают отдельных коммунистов — представителей местных судов.

... „Коммунист Нарна Санжи, войдя в соглашение, дает свои советы „богачам“ Куван Басанг, Салькити Н. и др.; Алтхан Н., находясь во главе Баддырского аймака, получил коня (от „богача“); третий член президиума АНК-а Манджиг Д. собирал для „богачей“ овец; начальник налогового стола Улдган Ю. у одного богача взял 30 овец; заведующий налоговым делом Овсянников и Нечесов постоянно пьянствуют с богатыми торговцами села Лагана“... и т. д. и т. п.

Так красочно описывается „деятельность“ коммунистов в Калмыцкой Автономной Области. Честные люди за право жить и трудиться в „советском раю“ совершают недобрые поступки, идут на хитрость и обман, за что их власть крестит преступниками. Но „в преступлении народа — вина на правителях“, — говорит китайская мудрость.

Нам легко себе представить душевное состояние этих „богачей“, когда они за право называть свое своим вынуждены отдавать овцам, проходящим кровью и трудом добытых овец, коров и лошадей. Неудивительно поэтому, что многие калмыки предпочитают находиться в пастухах в чужих землях („подальше от греха“). Примеру таких последовали недавно вернувшиеся домой из-за границы калмыки С. (вернулся в 27 г. из Чехословакии) и У. (вернулся в том же году из Франции).

Оба хорошие хозяева, развитые калмыки, знакомые с ведением сельского хозяйства в Европе и с достаточными деньгами, чтобы завести свое хозяйство. И все же они, отказавшись от мысли завести свое хозяйство, пошли в пастухи в казачьи станицы...

И они под влиянием проповеди „дальновидных политиков“ из калмыцкой эмиграции, живя в Чехии и Франции, с пеной во рту доказывали „всю бессмысленность пребывания и эмиграции“, рисовали яркие краски картину жизни в СССР и нашли смысл жизни... в пастушестве на окраине какого-то захолустного хуторка. Нет предела человеческой наивности и подлости...

Да, не сладка жизнь калмыков на родной земле! Не мешало бы об этом помнить тем из калмыков в эмиграции, чье сердце льнет к коммунистам, чей язык поворачивается говорить, что советская власть принесла счастье калмыцкому народу. В особенности тем из них, которые постоянно проповедают среди калмыцкой молодежи в эмиграции о высоких достижениях Калмыцкой Автономной Области широкого дела, о возможности широкого выбора специальности и четкости учения...

Это, конечно, не значит, что калмыкам не нужно ехать „домой“. Никто не имеет морального права говорить эмигрантам: „не едите домой“. Всем известно, что жизнь в эмиграции не сладка, кусок черствого хлеба дается не даром, тоска по Родному Краю велика, что порою бессмысленно уязвляет жизнь на чужбине... Но и на Родине нашим братьям живется не сладко...

Некий Санко (характерно — почти все пишут под псевдонимом) поет дифирамбы советской власти. Между прочим он пишет, что в провинции калмыки выносили двухэтажные строения: от старой русской власти и от насилия и давления своих руководителей. Среди последних

„нет ни одного человека, который сделал бы что-нибудь существенное для потомства... Не было школы, куда отдавать детей, не было больницы, где могли лечиться больные, как рыбы в океане болтались калмыки“...

Теперь, по утверждению автора, все это дала советская власть и нынешние калмыки-коммунисты оставили „существенное потомству“. Что можно сказать против этого божьего поношения всего старого и злобленного самовосенания? Эту дому можно опровергнуть приведением фактических данных из жизни только донских калмыков. Последние до революции 1917 года имели около пол-сотни хорошо оборудованных народных школ с подготовленным педагогическим персоналом в достаточном количестве. Почти все дети донских калмыков получали начальное образование. Я не говорю о духовных школах, существовавших при каждом буддийском Хуруле, так как подобные школы для коммунистов являются абсолютным злом.

В каждой калмыцкой станице имелись амбулатории с фельдшерским персоналом и достаточным медикаментом. Кроме того, в станице Иловайской имелась прекрасно оборудованная земская больница со штатом врачей и фельдшеров. Так что было где лечиться калмыкам.

Хозяйственная жизнь донских калмыков быстро развивалась. Благоустроенные станицы и хутора, цветущие различного рода хлебными злаками поля, прекрасные фруктовые сады и виноградники, огородничество, бахчеводство, о которых коммунист Карвин только теперь мечтает, для донских калмыков не были новостью. Все это было у них, но разрушили, разграбили гг. „товарищи“, теперь выдающие себя за строителей калмыцкой народно-хозяйственной жизни, проливающие „крокодиловы слезы“ над отсталостью калмыцкого народа. Этих беглых сведеней достаточно, чтобы уличить г. Санко в беззастенчивой лжи.

„Высший преступник тот, кто умеет притворяться правдивым“ — сказал Калмыцкий Хан Шукур-Дайчин. Притворяются ли правдивыми или добросовестно заблуждаются нынешние руководители Калмыцкой Автономной Области?